

А
С. МАКАШИН

УТРАЧЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ И НАБРОСКИ

САЛТЫКОВА

1849--1855 годов

Справка

В "Материалах для биографии М. Е. Салтыкова", напечатанных К. К. Арсеньевым в N 1 журнала "Вестник Европы" за 1890 год и затем несколько раз переиздававшихся¹, приведен ряд извлечений из бумаг, найденных в кабинете писателя после его смерти. Бумаги эти, тщательно сохранявшиеся Салтыковым в течение нескольких десятков лет, были впоследствии утрачены.

В настоящей справке сообщаются, на основании очерка Арсеньева, краткие сведения о не дошедших до нас, но несомненно существовавших, сочинениях Салтыкова или набросках их, возникших в годы его подневольной жизни в Вятке. Служебные бумаги, упоминаемые и цитируемые Арсеньевым, не рассматриваются.

Первая группа утраченных материалов свидетельствует об интересе, проявленном Салтыковым к известному политическому писателю-рационалисту XVIII в. Чезаре Беккариа. Живя в Вятке, Салтыков изучает знаменитый трактат итальянского криминалиста "О преступлениях и наказаниях", делает выписки из него и начинает писать статью о Беккариа. Одновременно Салтыков набрасывает ряд заметок, озаглавленных "*Об идее права*", также, по-видимому, внушенных чтением Беккариа, но, судя по некоторым выражениям, принадлежащих всецело или большей частью самому автору заметок. И набросок биографии Беккариа, и заметки "Об идее права" были написаны на бланках "советника Вятского губернского правления".

Судя по приводимым Арсеньевым отрывкам, Салтыкову был близок протест Беккариа против системы уголовных репрессий в абсолютистских государствах, были близки идеи о том, что главная задача государства должна заключаться не в карах, а в предупреждении появления преступлений при помощи воспитательных мер, широкого распространения образования и уничтожения резкого имущественного неравенства. Но, разделяя эти классические идеи буржуазного просветительства XVIII в., Салтыков уже чужд крайнему рационализму идей Беккариа, хотя в полемике с ним он в своих воззрениях на историю остается идеалистом.

Выписывая мысль Беккариа, резюмирующую известную теорию социального договора о происхождении государства: "Люди согласились, молчаливым контрактом, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальным спокойно...", Салтыков замечает по этому поводу: "Нельзя себе представить, чтобы человек мог добровольно отказаться от части свободы, да и нет в том никакой необходимости".

Еще выразительнее другое полемическое замечание. Салтыков повторяет мысль Беккариа, что в уголовном кодексе, как и в законодательстве вообще, "отражается, со всеми ее безобразными или симпатическими сторонами, внутренняя и внешняя жизнь народов". По мнению Салтыкова, "редко случается так, что уголовный кодекс является не продуктом народной жизни, а чем-то случайным, внешним, примененным к народу без всякой живой с ним связи" (вряд ли приходится сомневаться, что такой "случай" усматривается здесь в уголовно-правовом законодательстве царского самодержавия). Если же нормы нарушены, если правовые институты не являются "продуктом народной жизни", то, заключает Салтыков свою мысль: "Такие факты никогда не проходят даром; рано или поздно народ разобьет это прокрустово ложе, которое лишь бесполезно мучило его. Как бы ни был младенчески неразвит народ (а где же он развит?), он все-таки никогда не захочет улечься в тесные рамки искусственно задуманной административной формы".

Вторую группу утраченных рукописей составляли сделанные Салтыковым переводы отрывков из сочинений "De la democratie en Amerique" Токвиля, "Etudes administratives" Вивьена и "Histoire de l'administration monarchique en France" Шерюзля. К сожалению, Арсеньев весьма скупо использовал эти выписки в "Материалах". Из нескольких страниц он процитировал всего пять-шесть строк. Вот, например, текст, выписанный и переведенный Салтыковым из сочинения Токвиля "Демократия в Америке": "Центральная власть, как бы ни была просвещенна, не может обнять все подробности жизни великого народа; когда она хочет своими средствами управлять многоразличными пружинами народной жизни, она